

Научная статья

УДК 82-4

DOI 10.17223/18137083/92/8

В. П. Астафьев – корреспондент «Чусовского рабочего» (1951–1955)

Петр Петрович Каминский

Томский государственный университет
Томск, Россия

kelagast@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7127-3238>

Аннотация

Впервые исследованы газетные материалы Виктора Астафьева периода сотрудничества в «Чусовском рабочем» (1951–1955). В анализе более чем восьмидесяти журналистских публикаций будущего писателя в городской газете, а также в областной печати, установлены особенности «сверххранного» периода его творчества. Логика творческого становления начинающего автора заключается в следовании от стандартной, написанной по шаблону партийно-советской печати своего времени газетной зарисовки – к серьезным художественно-документальным очеркам. Постепенно в публикациях усиливается аналитическое начало, на первый план выходит личность человека. Доминантами творчества корреспондента становятся психологизм и повествовательность. Автор пытается образно представить окружающую обстановку и передать переживания людей, для чего прибегает к использованию художественного домысла. В основе этих процессов лежит осознанная эстетическая рефлексия автора, который все больше видит себя писателем.

Ключевые слова

Виктор Астафьев, сверххранное творчество, уральский период, газета «Чусовской рабочий», журналистские публикации, становление художественной системы, творческая эволюция

Благодарности

Автор благодарит В. И. Литке за помощь в работе с материалами газетных подшивков в Пермской краевой библиотеке

Для цитирования

Каминский П. П. В. П. Астафьев – корреспондент «Чусовского рабочего» (1951–1955) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 117–129. DOI 10.17223/18137083/92/8

© Каминский П. П., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 117–129
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 117–129

Victor Astafyev – a reporter of *Chusovskoy rabochiy* (1951–1955)

Piotr P. Kaminskiy

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

kelagast@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7127-3238>

Abstract

This paper represents the first examination of Victor Astafyev's journalistic work produced during his tenure at the *Chusovskoy Rabochiy* newspaper (1951–1955). The poetic and aesthetic features of the earliest journalistic works are established by analyzing over eighty publications, focusing on the industrial development of the Urals in the early 1950s. The articles under analysis were published in the city newspaper and in the regional press. Initially, Astafyev employed the artistic genre of sketching, which serves as a visual representation of people or events. From autumn 1952 onwards, his mastery of the essay form has progressed to encompass more intricate analytical structures, emphasizing profound investigation into the underlying nature of persons and problems. The analysis reveals that the primary thematic concern was exploring the character of the Soviet citizen, specifically the socialist builder, and their dedication to their labor. Complying with a direct party commission, the fledgling writer at the party-Soviet newspaper produced idealized representations of the laborer, marked by formulaic and repetitive character traits. However, the predetermined and schematic nature of the characterizations is progressively transcended. Despite being bound by the tenets of human representation prevalent in the Soviet press, the writer strives to forge a distinctive narrative style. A template-based newspaper sketch develops into significant artistic and documentary essays.

Keywords

Viktor Astafyev, super-early creativity, the Ural period, newspaper *Chusovskoy rabochiy*, journalistic publications, the formation of an artistic system, creative evolution

Acknowledgments

The author expresses gratitude to Mr. Victor Litke for his assistance in processing archival newspaper materials at the Perm Regional Library

For citation

Kaminskiy P. P. Victor Astafyev – a reporter of *Chusovskoy rabochiy* (1951–1955). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 117–129. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/8

Журналистское творчество первой половины 1950-х гг. – важный этап творческой биографии Виктора Петровича Астафьева. Несобственно-художественный материал периода сотрудничества в газете Чусовского горкома партии и горсовета отражает предпосылки становления в будущем художественной системы великого писателя. Тем не менее до сих пор публицистическая составляющая сверххранного творчества В. Астафьева не становилась предметом научного рассмотрения специально, оставляя пробелы в понимании истоков его творческого мышления. Целью настоящей работы является вовлечение в научный оборот нового материала, никогда до этого не осмысленного как целое, и выявление логики творческого развития будущего писателя в жанрах периодической печати.

Как известно, творческий путь В. Астафьева начинается в феврале 1951 г., когда в газете «Чусовской рабочий» с продолжением в семи выпусках публикуется его первый рассказ – «Гражданский человек» (25, 27, 28 февр., 9, 10, 11, 13 марта).

В штат редакции «Чусовского рабочего» на должность литсотрудника будущий писатель был принят 2 апреля 1951 г. и проработал в газете до 25 марта 1955 г. [Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества..., 2019, с. 432, 433]. В справочных изданиях приводятся сведения о порядка шестидесяти газетных публикациях В. Астафьева в данный период [Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество..., 1999; Виктор Петрович Астафьев. (К 75-летию со дня рождения), 1999; Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества, 2019], однако при работе с подшивками было выявлено еще более двух десятков публикаций.

Первая журналистская публикация В. Астафьева в «Чусовском рабочем», подписанная псевдонимом «В. Саянский», датирована 6 апреля 1951 г. – это заметка «Впереди смена Одинцева». До конца первого года работы в газете горкома партии и горсовета Чусового выходит еще по меньшей мере десять публикаций начинающего автора¹; в течение 1952 г. – семнадцать выявленных публикаций В. Астафьева в «Чусовском рабочем»² и две в областной молодежке «Большевистская смена» (с 15 ноября 1952 г. «Молодая гвардия») ³, в 1953 г. – 23 в «Чусовском рабочем»⁴, короткий рассказ в «Молодой гвардии»⁵ и переработанный «Гражданский человек» в «Звезде»⁶, в 1954 г. – свыше двадцати публикаций в «Чусовском рабочем»⁷ и несколько в областной печати⁸. До середины 1955 г.,

¹ «Проводник Зоя Липина» (29 апр.), «Сила примера» (19 мая), «Смотр стенной печати чусовских железнодорожников» (23 мая), «Чуткость – лучшее качество советского человека» (24 июня), «Хозяин участка» (5 авг.), «Школе рабочей молодежи нужна помощь» (21 авг.), «Начало...» (2 сент.), «В обстановке беспринципности» (29 сент.), «Стахановская вахта» (12 дек.), «За почетную старость» (18 дек., под псевдонимом «В. Саянский»).

² «По методу Щеблыкина» (12 янв., под псевдонимом «В. Саянский»), «Улучшать работу комсомольских организаций» (22 марта), «Утро на реке» (13 июля), «Без должной принципиальности» (30 июля), «Улучшить работу общества Красного Креста и Красного Полумесяца» (13 авг.), «Почему снизила темпы в работе станция Чусовская» (17 авг.), «В новой школе» (16 сент.), «Двенадцатилетие» (4 окт.), «Великий день» (5 окт.), «Во власти самотека» (21 окт.), «Человек будет жить: очерк» (26 окт.), «Лекция-концерт о композиторе Григе» (1 нояб.), «Молодежь» (18 нояб.), «Товарищи» (23 нояб.), «Молодежная бригада в лесу» (2 дек.), «Сельская учительница» (5 дек.), «Механизмы работают плохо» (7 дек.)

³ «Настойчивость» (10 июля), «На электрифицированной магистрали» (2 авг.)

⁴ «В зимнем лесу» (7 янв.), «Инициатива коллектива – огромная сила» (19 апр.), «В городской бане» (21 апр., под псевдонимом «В. Саянский»), «Творцы своего счастья» (1 мая, в соавт. с В. Волхонским), «Сплав: рассказ» (8, 10, 12 мая), «Земляки: очерк» (9 мая, под псевдонимом «В. Саянский»), «Так ли надо относиться к вопросам благоустройства?» (20 мая), «Советский простой человек» (31 мая), «Тракторист Николай Соловьев» (14 июня), «Больше внимания использованию и ремонту механизмов» (19 июня), «Молотовские писатели в Чусовом» (20 июня, под псевдонимом «В. Саянский»), «Они закладывают фундамент» (23 июня), «Самоотверженный труд машинистов» (4 июля), «Подснежники: рассказ» (5 июля), «Золотые руки» (22 июля), «Творческий концерт Н. К. Симонова» (28 июля), «Рационализаторы Пашийского завода» (12 авг.), «Сплавная контора не выполняет решений XIX съезда партии» (29 авг.), «Дела и нужды коллектива Чусовского вокзала» (30 авг.), «Родные поля зовут: очерк» (11 окт.), «Там, где были лес и болото» (24 нояб.), «Магарыч» (25, 28 нояб.), «Без труда и замысла» (27 дек.)

⁵ «Ночные огоньки» (11 окт.)

⁶ «Матвей» (12 апр.)

⁷ «Радость (рассказ)» (1 янв.), «Люди лесного поселка» (4 янв.), «Начало большой дружбы» (19 янв.), «Глубокие пласты: заметки читателя» (26 янв.), «Шефы-странники: фельетон» (3 февр.), «Интересная повесть» (26 февр.), «Старательная работница» (7 марта,

когда В. Астафьев переходит на профессиональную писательскую работу, в «Чусовском рабочем» публикуется еще несколько его газетных материалов⁹.

В следующей нехудожественной публикации в «Чусовском рабочем» 17 октября 1955 г. В. Астафьев предстает уже в амплуа писателя, а не корреспондента газеты – «Воспитывать литературную молодежь». Работа в редакции городской партийно-советской газеты стала пробой пера. В 1953 и 1955 гг. выходят первые книги рассказов В. Астафьева – «До будущей весны» и «Огоньки». С 1955 г. писатель работает над романом «Тают снега» (опубликован в 1958 г.). Возвращение в журналистику на короткий срок происходит в апреле 1957 г., когда В. Астафьев от нужды устраивается на Пермское областное радио собкором по горнозаводскому направлению, ответственным за Соликамск, Березники, Чусовой, Лысьву, Кизеловский угольный бассейн¹⁰. Окончательно отдается писательству В. Астафьев в 1959 г., когда поступает на Высшие литературные курсы при Литинституте имени М. Горького. За два года учебы в Москве он завершает повесть «Перевал» (1958–1959), создает повести «Стародуб» и «Звездопад» (1960), которые приносят ему широкую известность.

При очевидной значимости раннего журналистского материала для понимания творческого становления писателя он остается практически не исследованным. Как отмечал Н. Н. Яновский в одной из первых монографических работ по творчеству В. Астафьева, «писались эти очерки нередко по газетному шаблону – встреча с героем, его биография и главные дела как пример для подражания, – но чувствовалось, что за всем этим до поры творчески непереваренным материалом стоит жизнь, постигаемая не умозрительно, а через человеческие судьбы и реальные события» [Яновский, 1982, с. 19].

под псевдонимом «В. Саянский»), «“Требовательные” мужья: фельетон» (9 марта, под псевдонимом «В. Саянский»), «Малахай» (1 апр.), «Рука об руку: очерк» (4 апр.), «Две радости» (6 июня), «Нелюбимый зять» (27 июня), «Яркий, неугасимый костер» (4 июля), «Небувайло свирепствует: фельетон» (7 июля, под псевдонимом «В. Саянский»), «Большая помощь» (13 июля, под псевдонимом «В. Саянский»), «Победа не приходит сразу» (14 июля), «Дела и нужды маленьких станций» (17 июля), «Праздник самых юных и счастливых» (27 июля), «Ничего особенного: очерк» (22 авг.), «Равнодушие» (6 окт.), «В одной деревушке: рассказ» (31 окт.)

⁸ «Короткие рассказы»: [«Односельчане», «Их было четверо», «И мы, шефы»] (Звезда. 19 янв.), «Суд: рассказ» (Звезда. 6 июня), «Живущие надеждой» (Мол. гвардия. 24 дек.), рассказ «Идет весна» в альманахе «Прикамье» (Кн. 18).

⁹ «Под Новый год: рассказ» (1 янв., под псевдонимом «В. Саянский»), «Дальше так работать нельзя» (7 янв.), «Зимняя охота» (21 янв.), «Самое главное» (8 февр., под псевдонимом «В. Саянский»), «Твердое решение» (9 февр., под псевдонимом «В. Саянский»), «Улучшать культурно-бытовое обслуживание лесорубов» (25 февр.), «Не верь глазам своим» (6 марта), «Крутой подъем» (6 марта, под псевдонимом «В. Саянский»), «Закончен охотничий сезон» (22 марта, под псевдонимом «В. Саянский»), «Первый подвиг» (2 апр.), «Под небом голубым» (8 июня), «Однажды утром: рассказ» (27, 28 сент.), «Родное зовет: рассказ» (17, 18 сент.)

¹⁰ «До того как стать профессиональным литератором, я шесть лет работал в газете, потом чуть посидел за столом, и еще – полтора года вкалывал на местном радио», – вспоминает В. Астафьев в январе 1977 г. в эфире ленинградского радио. На самом деле в городской газете он проработал неполных четыре года, но срок работы на радио, по всей видимости, обозначен точно. В частной беседе с журналистом Юрием Ростовцевым в эту же январскую неделю 1977 г. в Ленинграде писатель говорит, что работал на пермской радиостудии «...вплоть до поступления на Высшие литературные курсы», т. е. до 1959 г. [Ростовцев, 2007, с. 30, 48].

Анализируя художественно-публицистический очерк 1954 г. «Идет весна», опубликованный в альманахе «Прикамье» (№ 18), критик видит в нем овечкинскую традицию социального анализа в публицистике. Схематизм анализа причин отставания колхоза «15 лет Октября» объясняется временем, социальными стереотипами, под влиянием которых находился начинающий писатель: «По тогдашним убеждениям, все объяснялось нерадивостью, косностью, а то и зазнайством непосредственных руководителей колхозов и совхозов. Стоит их заменить настоящими, думающими передовиками-колхозниками, как фронтовик Латышев, доказывал Астафьев, как сразу все изменится и преобразится» [Яновский, 1982, с. 19–20].

Отмечается схематизм образов и несовершенство художественной формы по сравнению с очерками старших современников – Владимира Тендрякова и Сергея Залыгина: «Характер у Латышева не раскрывался в поступках, как, допустим, у Башлакова и Пислегина в очерке С. Залыгина “Весной 1954 года”, и описывался по положительным признакам: фронтовик, инвалид, сначала на своем огороде трудился, потом колхозу помог освоить 24 гектара земли... Конфликтная ситуация, возникшая в первой части очерка, вдруг исчезла во второй и тем самым обескровила образ Латышева, уменьшила силу его воздействия на читателя» [Там же, с. 20].

Как творческое достижение приводится рассказ «Смысл жизни» (Мол. человек. Молотов, 1955. Вып. 1) («Мужество»): «История двадцатилетнего парня, которому при корчевке оторвало кисти рук, оборачивается случаем из жизни, эпизодом, действительно раскрывающим ее смысл. Это очерк о силе духа, о верности, о любви, о подлинном жизнелюбии и трудолюбии, о гуманизме, закономерно превратившийся потом в поэтический, типично астафьевский рассказ “Руки жены”» [Там же]. В целом, в ранних очерках В. Астафьева Н. Н. Яновский видит подготовку первых трех зрелых повестей писателя – «Звездапада», «Стародуба» и «Перевала». При этом литературный критик имеет дело вовсе не с газетными публикациями В. Астафьева, а уже с его писательскими работами.

Выделяя в докторской диссертации «пермский», или «уральский», период в творческой эволюции писателя (1951–1969), П. А. Гончаров также обходит вниманием газетные публикации В. Астафьева. Логика этого периода – «осознанное отталкивание писателя от канонов нормативного искусства»; «поиск органических для писателя тем, овладение различными жанровыми формами, становление оригинального мировосприятия и стиля» [Гончаров, 2004, с. 7, 43] – прослеживается на примере анализа только «этапных» художественных произведений автора этого времени – от первого рассказа «Гражданский человек» (1951) и романа «Тают снега» (1958) до повестей «Перевал» (1959), «Стародуб», «Звездапад» (1960) и «Кража» (1966), первой книги «Последнего поклона» (1968).

Впервые предметный обзор материала периода сотрудничества В. Астафьева в «Чусовском рабочем» производит в 2019 г. доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева Г. С. Спиридонова – «В. П. Астафьев как очеркист (начало творческой деятельности)» в словаре-справочнике по первому периоду творчества писателя [Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества..., 2019, с. 61–65].

Невнимание к сверхраннему творчеству В. Астафьева в критике и литературоведении объясняется как объективно невысоким художественным уровнем этого материала, так и пренебрежительным отношением к нему самого писателя. Сначала он оценивает значение журналистского этапа своей творческой биографии

как положительное: «Газета для писателей вещь полезная, руку набьешь», – говорили, по его словам, В. Астафьеву коллеги по редакции; «Поездки от радио по области, знакомство с яркими людьми давали в смысле опыта много», – считал он сам [Ростовцев, 2007, с. 47, 48]. На позднем этапе творчества остается только скепсис: «...я легко, почти балуясь, гнал жизнерадостную, оптимизмом переполненную словесную дристю вонючим потоком на областном радио, да еще и писал при этом жизнеутверждающий, не менее чем моя радиопродукция, оптимистический роман» [Астафьев, 1997, т. 3, с. 452].

«Врать приходилось много и, по сути, сознательно. В газете все про всё знали и понимали, потому меж собой называли кормилицу нашу “Очусовелый рабочий”», – говорил писатель еще в 1982-м на встрече с коллективом редакции «Студенческого меридиана» [Ростовцев, 2007, с. 87–88]. «Года полтора-два я работал с удовольствием», – вспоминал тогда же писатель [Там же, с. 95], но обостренное, «взаболъ», переживание несоответствия реальности официальной картине мира, выстраиваемой советской журналистикой («беспорядок, неразбериха и кавардак, граничащие с преступностью», с одной стороны, и «неудержимая болтовня, демагогия и красноречие», с другой), и собственного конформизма, возникшее позже, писатель называл в качестве причины ухода из профессии десять лет спустя: «...из газеты и с радио ушел – шибко они растревожили и поранили мою совесть» [Астафьев, 1997, т. 5, с. 377–379]. «В бытность нашу в “Чусовском рабочем” мы <...> были верными приспособленцами, послушными исполнителями...» [Там же, т. 1, с. 60], – вспоминает писатель в начале 1990-х в автобиографии «Подводя итоги», но особо выделяет свою работу на радио: «...среди всеобщей лжи, пустопорожней брехни, патристического выкаблучиванья первенство тогда неоспоримо принадлежало советскому радио, даже в газетке, где “осквернял родное слово и отучивал людей от доброты”, как впоследствии написал я в одной из своих “затесей”, работа выглядела все же поприличней. Скоро я устал от халтуры и, пока совсем еще не утратил к себе последнего уважения, с хлебного места ушел» [Там же, с. 37].

Материал ранних газетных публикаций В. Астафьева – промышленное освоение Урала в начале 1950-х гг. Рассказывая о нем, В. Астафьев начинает с жанра зарисовки, представляющего собой наглядное изображение личности или ситуации, но уже с осени 1952 г. осваивает и более сложный жанр – очерк, который отличает большее аналитическое начало, стремление проникнуть вглубь явления, раскрыть суть человека или проблемы. Среди авторских публикаций В. Астафьева также встречаются критические корреспонденции, где отдельный факт иллюстрирует значимую социальную проблему, репортажи и отчеты; на страницах «Чусовского рабочего» выходят первые литературно-критические работы начинающего писателя. С весны 1953 г. на газетных страницах публикуются первые «рассказы» писателя, на деле представляющие собой все те же производственные или бытовые очерки, но с возросшей долей художественного вымысла, или просто крупные по объему, печатающиеся с продолжением.

Молодой корреспондент предпочитает портретную разновидность зарисовки и очерка. Герои В. Астафьева – железнодорожники – путеобходчики, составители поездов и машинисты; лесозаготовители – электропилищики и трелевщики; строители и колхозники, врачи и учителя города Чусового и Чусовского района Молотовской области¹¹. Первые журналистские зарисовки о передовиках созда-

¹¹ Родное имя было возвращено Перми 2 октября 1957 г.

ются по редакционному заданию, после вручения им правительственных наград или присвоения почетных званий, а также просто в качестве общественного поощрения за ударный труд (советская газета как «Доска почета»). В случае комсомольцев Ивана Игнашкина («Настойчивость») и Валентина Орехова («На электрифицированной магистрали») в «Большевистской смене» летом 1952 г. это награждение их почетной грамотой обкома ВЛКСМ и грамотой ЦК ВЛКСМ соответственно; в «Сельской учительнице» в «Чусовском рабочем» в конце 1952-го – награждение Анны Овсянниковой орденом Трудового Красного Знамени и т. д.

Будущий писатель воссоздает канонический образ людей труда. В «дежурных» зарисовках он наделяет своих героев стандартными характеристиками. Так, рассказывая в «Товарищах» об учащихся ремесленного училища, автор отмечает в них скромность, настойчивость, упорство и т. п., и даже допускает противоречие в описании характера одного из них: «Он очень скромный и застенчивый парень. Эту скромность, очевидно, Юрию привили еще в детском доме, где он воспитывался долгое время. <...> Общительность – это характерная черта детдомовца, и она помогает ему быстро вливаться в коллектив, быть неотъемлемой его частью» (Чусов. раб. 1952. 23 нояб.). Такую путаницу можно объяснить тем обстоятельством, что все эти характеристики человека пока не более чем газетные штампы.

Столь же стандартны и сюжетные коллизии. В «Настойчивости» это профессиональное становление составителя поездов Ивана Игнашкина. Успехов в своем деле он достигает, получая помощь и поддержку коллектива: «Иван Игнашкин добился своего. Добился потому, что был настойчив, и потому, что попал в дружный, спаянный коллектив. Опытные железнодорожники помогли Игнашкину преодолеть трудности» (Большевик. смена. 1952. 10 июля). Личность редуцируется к профессиональным качествам, а проявления человека ограничены исполнением социальной функции: «Требовательность к себе и к своим сотрудникам – это ее характерная черта. Именно таким и должен быть советский врач, которому доверено самое благородное дело – спасение жизни и охрана здоровья человека» (Советский простой человек // Чусов. раб. 1953. 31 мая).

В целом ранние публикации В. Астафьева в газете реализуют социальный заказ и строго соответствуют стандартам советской печати. Поэтому для них обязательно использование идеологических клише, особенно в периоды политических кампаний: «С большим воодушевлением встретили Василий Иванович и члены его бригады постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС о расширении производства продовольственных товаров и улучшении их качества» (Там, где были лес и болото // Чусов. раб. 1953. 24 нояб.); и т. п.

Проблемные материалы В. Астафьева в «Чусовском рабочем» воплощают инсруктивный подход, свойственный партийной печати того времени (пресса как инструмент партийного контроля). Так, анализируя в очерке «Механизмы работают плохо» причины неудовлетворительной организации ремонта и обслуживания техники в Теплогорском леспромхозе, что ставит под угрозу выполнение плана лесозаготовок, автор от лица редакции печатного органа горкома партии раздает прямые директивные указания всем ответственным лицам – руководству не только леспромхоза, но и треста (Чусов. раб. 1952. 7 дек.).

«Должен признать: создавать информацию дело занозистое, – признавался потом писатель. – Не сразу в нормальной голове прилаживаются слово к слову в фразы вроде: “Став на трудовую вахту в честь товарища Сталина, металлурги взяли на себя повышенные обязательства по чугуну, стали, стружке...” Совсем

это не просто» [Ростовцев, 2007, с. 93]. Но уже с первых дней в редакции ему «...надавали массу брошюр с советами, как писать очерк, передовицу, статью» [Там же, с. 94], и он осваивал их по ночам. Или интересна история с первой передовицей В. Астафьева: «Редактор наш, Григорий Иванович (Пепеляев. – П. К.), добродушный был мужик, юморист. Подозвал меня к своему столу и продемонстрировал тайну творчества. Взял ручку, развернул газету “Правда” и... принялся сочинять. Шпарит прямо по правдинской передовой, дополняя ее местными фактами и примерами. И короче, конечно, чусовская газета все же маленькая. Полчас – и статья готова. Посмотрел на меня лукаво: все понял?» [Там же, с. 95].

Однако уже осенью 1952 г., задолго до наступления хрущевской оттепели, в газетных публикациях В. Астафьева намечается частичное преодоление официоза, когда корреспондент обращается к внутреннему миру героя. В первом же очерке «Человек будет жить» он моделирует переживания хирурга Александра Алексеевича Колчанова, спасающего жизнь изувеченному грузчику: «Сейчас, в позднюю ночь, направляясь в больницу, он думает о человеке, которого не знал раньше, но который дорог для него, как и всякий человек, нуждающийся в помощи» (Чусов. раб. 1952. 26 окт.).

В таком ракурсе человек изображается во всех последующих очерках В. Астафьева. Очерк «Родные поля зовут», занимающий подвал разворота в выпуске от 11 октября 1953 г., воссоздает раздумья тракториста Чусовского металлургического завода Николая Рожкова, который по зову партии решает вернуться на родину, в колхоз: «Взволновали его постановление Пленума ЦК КПСС и доклад товарища Хрущева на этом Пленуме. Много чувств и мыслей вызвали в нем эти исторические, большой важности документы. <...> Откуда-то издалека начали выплывать воспоминания, картины прошлого, навеявая на Николая теплую грусть». На первый взгляд, зачин очерка, написанного в рамках политической кампании по обсуждению решений Сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г., выглядит искусственным, но принятые решения, изменившие сталинский подход к деревне, действительно вселяли надежду в колхозников, что и пытался отразить писатель¹².

Автор очерка широко использует домисел, пытаясь понять психологическое состояние человека, описать его воспоминания и переживания. Можно говорить, что В. Астафьев, ограниченный принятыми в советской печати принципами изображения человека труда, стремится к полной достоверности, реалистическому воссозданию образа.

В качестве инструмента психологического анализа используются описание обстановки и особая повествовательность, сближающая публицистический очерк с рассказом – как «Рука об руку», в котором даются душевные метания Тамары Бабкиной, решающей поехать на целину вместе со своим женихом Алексеем Рожковым: «За окном висела чернильная темнота, усыпанная гирляндами городских огней. Подмораживало. Оттаявшие днем стекла снова начали покрываться

¹² Этот пленум, прошедший 3–7 сентября, известен не только тем, что в его завершение Никита Хрущев был избран первым секретарем ЦК, здесь впервые была подвергнута критике сталинская аграрная политика. В хрущевском докладе содержался реалистический анализ положения дел в сельском хозяйстве и предлагались шаги по его реформированию. Пленум решил уменьшить в два с половиной раза сельскохозяйственный налог, поднять заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию, направить на село специалистов и партийных работников и т. д. Все это должно было повысить производительность труда и поднять уровень жизни колхозников.

причудливыми узорами, и свет уличных огней тускнел, комната погружалась в густую темноту. // Тихо, тихо. Спать бы да спать в такую пору, закрывшись теплым одеялом, упрятав голову в мягкую подушку. Но сон не приходит. <...> Нет, уснуть сегодня, видимо, так и не придется. Надо все обдумать, разобраться, взвесить и уж тогда только решить» (Чусов. раб. 1954. 4 апр.).

Психологический анализ отражает этические представления В. Астафьева. Герои его ранней публицистики – люди долга, но понимается он двояко. С одной стороны, догматически, как долг перед партией и народом. Это ответственное обязательство, вызванное их заботой о человеке: «Разве в старое время могла сельская учительница мечтать о том, чтобы ее скромный труд был оценен по заслугам. Только в нашей Советской стране, под солнцем Сталинской Конституции возможно это», – рассуждает корреспондент в зарисовке «Сельская учительница» (Чусов. раб. 1952. 5 дек.).

Гораздо важнее иное понимание долга, которое проявляется в конкретных сюжетных коллизиях. Здесь категория долга наполняется живым этическим содержанием – это долг перед людьми. С первых же газетных материалов писателя возникает мотив заботы. В основе заботы о другом – стремление быть нужным; цель человека – не абстрактное благо, а благодарность и уважение людей. Это показывается уже в первых зарисовках В. Астафьева в газете: «Проезжая по участку, который обслуживает Семен Михайлович, машинисты поминают его добрым словом, всегда приветливо поклонятся уважаемому человеку» (Хозяин участка // Чусов. раб. 1951. 5 авг.).

Оттепельные тенденции с 1954 г. проявляются и в проблемных публикациях, когда в поле зрения автора входят реальные противоречия социальной действительности¹³. Например, в очерке «Люди лесного поселка» возникает образ шабашников. Это «пропившиеся “молодцы”, которые и договор-то заключили только для того, чтобы получить подъемные, пожить сколь возможно без забот и хлопот, а затем исчезнуть в другие места и поймать на удочку нового подрядчика» (Чусов. раб. 1954. 4 янв.). Их немного, но под их дурным влиянием начинают «лодырничать» и другие члены бригады. А в фельетоне «Шефы-странники» изображен образ нерадивого председателя колхоза, с безразличием относящегося к идеалам общего дела (Чусов. раб. 1954. 3 февр.)¹⁴.

Творческое развитие В. Астафьева в газете носит осознанный характер, в его основе лежит эстетическая рефлексия автора, который все больше видит себя писателем. В рецензии на повесть Валентина Константинова¹⁵ «На рельсах», вышедшую в Молотовском книжном издательстве в 1953 г., В. Астафьев критикует

¹³ «В 1956–1958 гг. изменился характер выступлений прессы. Совершенно иным стал подход к оценке фактов. В выступлениях прессы все большее преобладание получили творческий подход к рассмотрению той или иной проблемы, стремление глубже проникнуть в жизнь, подвергнуть критике разного рода отрицательные явления в хозяйственной и общественно-политической жизни, порожденные тоталитарной системой и культом личности Сталина» [Овсепян, 2001, с. 204].

¹⁴ «Тип хозяйственного руководителя, нерадиво относящегося к делу, демагога и крикуна, человека “занятого бездельничаньем”, стал одним из ведущих образов в публицистике, фельетонах и критических статьях» [Овсепян, 2001, с. 205].

¹⁵ Константинов (Аржанников) Валентин Васильевич (1989–1973), инженер железнодорожного транспорта, автор романа о революции и гражданской войне в Нижнем Тагиле «Второе рождение» (1951) и повести «На рельсах» (1953), посвященной уральским железнодорожникам.

свердловского писателя за то, что в какой-то степени было свойственно и ему самому: «В его повести вместо живых людей бродят какие-то прилизанные, идеализированные машинисты, помощники машинистов, кочегары, секретари партбюро, начальники большие и начальники маленькие. <...> Те маленькие события и трудности, которые иногда возникают на пути героев книги и, в частности, на пути главного героя, машиниста Медведева, преодолеваются ими без всякой борьбы, тонут в словесном нагромождении, в трескучих и фальшиво патриотических словах» (Без труда и замысла // Чусов. раб. 1953. 27 дек.).

«Повесть о солдатской дружбе» молодого пермского писателя Андрея Терентьева¹⁶, напротив, оценивается высоко: «Большинство из этих героев подано хорошо и живо. Познакомившись с ними, уже не забудешь их». Критерий оценки творческого материала – его достоверность: «Знает автор солдатский быт, знает жизнь фронтовую, знает людей и описывает он все это тепло, правдиво». С точки зрения критика, «повесть написана сочным, образным языком», с которым, однако, диссонирует торжественный стиль, то и дело проскальзывающий в тексте: «...сам автор иногда переходит на белый стих, ударяется в оду, и тогда врываются неожиданно-негаданно на страницы повести совершенно чуждые ее стилю и характеру слова» (Интересная повесть // Чусов. раб. 1954. 26 февр.).

Оценивая газетные публикации В. Астафьева начала 1950-х гг., можно утверждать, что начинающий автор осваивает стилистические ресурсы советской печати и находится в поиске собственной повествовательной манеры. Так, две ранние зарисовки в областной молодежке выполнены в подчеркнуто героической стилистике, соответствующей канону комсомольской печати. Машинист электровоза Антон Орехов ведет тройной состав сквозь ночную пургу и ни в коем случае не должен потерять скорость в снежных заносах, чтобы не остановиться на подъеме, при этом ему «слышится призыв: ...дотяните! Вы же комсомольцы! Вы ведете поезд мира. С ним опаздывать нельзя!» «И поезд не опоздал», – разрешается коллизия зарисовки (На электрифицированной магистрали // Большевик. смена. 1952. 2 авг.).

Для газеты чусовского горкома и горсовета, напротив, свойственен более спокойный тон и деловой подход к фактам. Здесь В. Астафьев продолжает эксперименты с репортажностью, стремясь к реалистической манере повествования и избегая пафоса борьбы и преодоления: «Ровно жужжит электропила, мягко врезаясь в толстый ствол дерева. Лицо молодого электропильщика напряженно и разгорячено. Видно, что мороз, царствующий в лесу, ему нипочем. Горячо работает молодой электропильщик! // Дрогнула, качнулась ель и, обламывая сучья на попутных деревьях, охнув, упала в снег. Медленно оседает туча снега, поднятая упавшим деревом. Как поверженный богатырь, лежит лохматая ель. А там уже качнулась и упала другая, за ней третья, четвертая, пятая...» (Молодежная бригада в лесу // Чусов. раб. 1952. 2 дек.).

В таких репортажных фрагментах возникают этюды природы – сначала как фон для изображения социального действия, часть обстановки, в которой предстает герой. Молодой автор стремится к выразительности описаний природных объектов и процессов, хоть поначалу это только наивные, неуверенные ученические образы и откровенная стилизация: «В небе ни единого облачка. Ветер угнал

¹⁶ Терентьев Андрей Григорьевич (1922–2006), рабочий, фронтовик, повести и рассказы которого публиковались в журналах «Новый мир», «Дальний Восток», «Октябрь», «Примамурье».

их куда-то и свободно гуляет по просторам, поднял волны на реке Усьве. Сильный ветер, но в лесу он почти незаметен. Плотной стеной стоят бородастые ели и пихты и не дают разгуляться ему. Только вершины шумят испуганно от каждого сильного порыва, да где-то надоедливо скрипит сухостоина. Зной и тишина. Кажется, все застыло от истомы под палящими лучами солнца, даже птицы перекликаются как-то лениво и без обычного задора. // Но чем ближе к лесосеке, тем больше жизни. Лес оглашается гулом работающих машин, жужжанием электропил, голосами людей. На эстакаде у узкоколейной дороги кипит горячая работа» (Тракторист Николай Соловьев // Чусов. раб. 1953. 14 июня).

В приведенном фрагменте редуцировано противопоставление социального и природного. Но пространство леса не описывается как безжизненное. Напротив, в нем происходят сложные атмосферные и жизненные процессы, которые автор изображает в динамике. Ощущения повествователя гипертрофированы, контраст сильного ветра и зноя кажется неправдоподобным, натянутым. Также противоречат друг другу сильный ветер в вершинах деревьев, который должен сопровождаться шумом ветвей, и тишина в лесу. Но уже здесь мы можем увидеть основу восприятия природы в будущих творениях писателя.

Как показывает анализ, основной темой раннего творчества В. Астафьева в газете, как вообще в советской прессе этого периода, было осмысление личности советского человека – строителя социализма, изображение его самоотверженного труда. Как литсотрудник партийно-советской газеты В. Астафьев исполняет прямой партийный заказ на прославление человека труда. Его образы схематичны, воплощают однотипные черты характера¹⁷. Однако заданность и схематизм в изображении героев постепенно преодолеваются. В публикациях усиливается аналитическое начало, на первый план выходит личность. Доминантами творчества корреспондента становятся психологизм и повествовательность. Автор пытается образно представить окружающую обстановку и передать переживания людей, для чего прибегает к использованию художественного домысла. От газетной зарисовки, написанной по шаблону, он вырастает до серьезных художественно-документальных очерков, а впоследствии и до рассказов. Несмотря на то что становление мастера и его героя пока лишь намечается, обобщение тенденций периода работы молодого корреспондента в «Чусовском рабочем» необходимо для дальнейших исследований генезиса художественной системы писателя с конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Список литературы

Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997.

Виктор Петрович Астафьев. (К 75-летию со дня рождения): Библиографический указатель / Сост. Н. Я. Сакова, В. Ф. Фабер, Г. М. Гайнутдинова, Т. И. Заднепровская. Красноярск, 1999. 224 с.

Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество: Библиографический указатель / Сост. Т. Я. Брикман. М.: Изд-во Рос. гос. б-ки «Пашков дом», 1999. 238 с.

¹⁷ «Упрощенный набор позитивных характеристик на протяжении длительного времени делал героя советской публицистики достаточно простым, прямолинейным, без заметных душевных качеств» [Стровский, 1998, с. 131].

Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества (1951–1969): Словарь-справочник / Авт.-сост. Л. Г. Самогик, Т. Н. Садырина. Красноярск: РАСТР, 2019. 471 с.

Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. 48 с.

Овсеян Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX. М.: РИП-холдинг, 2001. 316 с.

Ростовцев Ю. А. Страницы из жизни Виктора Астафьева. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2007. 477 с.

Стровский Д. Л. История отечественной журналистики новейшего периода. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. 269 с.

Яновский Н. Н. Виктор Астафьев: очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1982. 272 с.

Список источников

Большевистская смена: орган Молотовского областного и городского комитетов ВЛКСМ. Молотов, 1952.

Звезда: орган Молотовского (Пермского) обкома КПСС. Молотов (Пермь), 1953–1958.

Чусовской рабочий: орган Чусовского горкома ВКП(б) (КПСС) и городского Совета депутатов трудящихся. Чусовой, 1951–1955.

References

Astaf'ev V. P. *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected works: In 15 vols.]. Krasnoyarsk, Offset, 1997.

Goncharov P. A. *Tvorchestvo V. P. Astaf'yeva v kontekste russkoy prozy vtoroy poloviny dvadtsatogo veka* [The work of V. P. Astaf'yev in the context of Russian prose of the second half of the twentieth century]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Tambov, 2004, 48 p.

Ovsepyan R. P. *V labirintakh istorii otechestvennoy zhurnalistiki. Vek 20* [In the labyrinths of the history of Russian journalism. 20th century]. Moscow, RIP-kholding, 2001, 316 p.

Rostovtsev Yu. A. *Stranitsy iz zhizni Viktora Astaf'yeva* [Pages from the life of Viktor Astaf'yev]. Moscow, Entsikl. sel i dereven', 2007, 477 p.

Strovskiy D. L. *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki noveyshego perioda* [The history of Russian journalism of the modern period]. Yekaterinburg, Ural Univ. Publ., 1998, 269 p.

Viktor Petrovich Astaf'yev. (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya): Bibliografiche-skiy ukazatel' [Victor Petrovich Astaf'yev. (For the 75th anniversary of his birth): Bibliographic index]. N. Ya. Sakova, V. F. Faber, G. M. Gaynutdinova, T. I. Zadneprovskaya (Comps.). Krasnoyarsk, 1999, 224 p.

Viktor Petrovich Astaf'yev. Pervyy period tvorchestva (1951–1969): Slovar'-spravochnik [Victor Petrovich Astaf'yev. The first period of creativity (1951–1969). Dictionary-reference. L. G. Samotik, T. N. Sadyrina (Comps.). Krasnoyarsk, RASTR, 2019, 471 p.

Viktor Petrovich Astaf'yev. Zhizn' i tvorchestvo: Bibliografiche-skiy ukazatel' [Victor Petrovich Astaf'yev. Life and creativity: Bibliographic index]. T. Ya. Brixman

(Comp.). Moscow, Publishing house of the Russian State Library "Pashkov dom", 1999, 238 p.

Yanovskiy N. N. *Viktor Astaf'yev: ocherk tvorchestva* [Viktor Astaf'yev: An essay on creativity]. Moscow, Sov. pisatel', 1982, 272 p.

List of sources

Bol'shevistskaya smena: organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VLKSM [Bolshevik shift: the organ of the Molotov Regional and City committees of the Komsomol. Molotov, 1952.

Chusovskoy rabochiy: organ Chusovskogo gorkoma VKP(b) (KPSS) i gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya [Chusovskoy rabochiy: the organ of the Chusovoy City Committee of the CPSU and the City Council of Workers' Deputies]. Chusovoy, 1951–1955.

Zvezda: organ Molotovskogo (Permskogo) obkoma KPSS [Zvezda: the organ of the Molotov (Perm) regional committee of the CPSU]. Molotov (Perm), 1953–1958.

Информация об авторе

Петр Петрович Каминский, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about author

Piotr P. Kaminskiy, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Journalism, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 30.10.2024;

одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 28.02.2025

The article was submitted on 30.10.2024;

approved after reviewing on 28.02.2025; accepted for publication on 28.02.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3